

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И СМИ

Успенская Киево-Печерская Лавра накануне рейдерского захвата безбожной властью

2–3

Жизнь на дорогах войны. Рассказы волонтера

4–7

Из летописи Движения «Россия Православная»

8

ГОЛГОФА УКРАИНСКОЙ ЦЕРКВИ

В связи с ситуацией вокруг Успенской Киево-Печерской Лавры Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к Предстоятелям Поместных Православных Церквей, ряду религиозных деятелей и представителей международных организаций с посланиями, в которых поделился глубокой обеспокоенностью резким усилением государственного давления на православных христиан Украины.

Его Святейшество указал на то, что принятому киевским режимом решению о расторжении с монастырем договора пользования храмами и зданиями и требования покинуть территорию обители предшествовал целый ряд мер давления на монашескую общину Киево-Печерской Лавры. Он напомнил, в частности, об организованных спецслужбами Украины унизительных обысках зданий монастыря и мест проживания насельников и расторжении договора с монастырем о пользовании двумя крупнейшими храмами обители. Давлением является и многомесячная клеветническая информационная кампания с участием государственных СМИ и телеканалов, а также радикальных политиков, религиозных и общественных деятелей, направленная против монастыря – с призывами к его изъятию из пользования общины и даже к насильственному захвату.

Предстоятель Русской Церкви особо обратил внимание на то, что в обнародованном украинскими СМИ ультиматуме государственных властей в адрес Киево-Печерской Лавры «работа некоей комиссии по поиску нарушений в хозяйственной деятельности монастыря преследовала репрессивную цель – полное изгнание монашествующих из Лавры – и не скрывалась государственными чиновниками и находящимися под влиянием светских властей представителями иных религиозных организаций Украины».

«Вызывает сожаление тот факт, что при декларировании государственным руководством Украины своей приверженности демократическим нормам, европейскому пути развития, соблюдению прав и свобод человека, эти права и свободы сегодня попираются самым вопиющим образом», – подчеркнул Святейший Патриарх Кирилл.

В связи с воззванием Святейшего Патриарха Кирилла против гонений на каноническую Церковь в Украине выступили главы ряда Поместных Православных Церквей, иерархи Иерусалимской, Элладской, Сербской, Болгарской и Грузинской Православных Церквей.

Блаженнейший Патриарх Великой Ангиохии и всего Востока Иоанн X: «В эти великопостные дни, накануне совершения Святых Спасительных Страстей Христовых, с великой скорбью восприняли мы поистине болезненные новости о положении Украинской Православной Церкви, – подчеркнул Владыка в письме Святейшему Патриарху Кириллу. Он констатировал. – Сегодня мы вместе с Вами переживаем самые тяжелые моменты нашей и Вашей истории. Переживающей ныне гонения Украинской Православной Церкви «вверено заботиться о своем народе и тех уникальных церковных объектах, которые являются историческим сердцем Московского Патриархата и всея Руси.

Мы обращаемся к Вам от сердца, жаждущего Воскресения, которое возродит мир и спокойствие на нашей Земле, полной войн и конфликтов. Молим Господа Воскресения, дабы Он ниспослал мир Свой, который разрешит все споры. Наши сердца сегодня вместе с Вами в горячей молитве ко Христу Богу, Отцу света и Богу всякого утешения».

Святейший Патриарх Сербский Порфирий: «Украинская Православная Церковь является канонической и законной Православной Церковью в Украине. Она признана всеми

Православными Церквями в мире, а также всеми инославными Церквями и конфессиями». Однако именно в отношении этой Церкви, отметил Первосвятитель, в последние дни «гонения достигли кульминации насильным изъятием храмов в пользу псевдоцерковной раскольнической структуры (ПЦУ), пользующейся статусом своего рода «государственной Церкви» и неформальной инквизиции.

Анонсирован и грядущий пик террора, задуманный в точности по сценарию советских гонений на Церковь, – изгнание монахов Киево-Печерской Лавры. Решение нынешнего руководства Украины – не что иное, как синоним ужасающего государственного террора над Церковью, а также грубейшего нарушения ее основных прав, попрания как религиозных свобод, так и свободы совести в целом».

Такие действия руководства Украины свидетельствуют о том, «что его подлинной и, вероятно, конечной целью является уничтожение исторической памяти и всех следов первоначального Православия на Украине в целях изменения ее кода и исторической идентичности, которую Церковь в терпении и муках создала, сохраняя на протяжении веков, от святого князя Владимира до наших дней.

Надеемся, что Церкви и религиозные общины, институции и организации, которым небезразличны мир, справедливость и хотя бы какой-то порядок в мире, осудят грубое попрание религиозных прав и свобод в Украине», – резюмировал свое обращение Патриарх Сербский Порфирий.

Блаженнейший Митрополит Варшавский и всей Польши Савва направил письмо ректору Киевской духовной академии и семинарии, в котором выразил поддержку насельникам Киево-Печерской лавры и Киевским духовным школам, испытывающим гонения со стороны властей.

«Польская Православная Церковь всегда выступала и выступает за каноничность Украинской Православной Церкви, – говорится, в частности, в письме Владыки. – Происходящее сегодня с Киево-Печерской Лаврой, другими монашескими центрами, храмами и вашей Академией является выражением большого порабощения и преследования Церкви. Мы выражаем сожаление, возносим молитвы и присоединяемся ко всем, кто возносит молитвы и терпит гонения. Мы духовно объединяемся с монахами Киево-Печерской Лавры и всеми страждущими, глубоко веруя, что Христово «солнце засияет и в вашем окне»».

Блаженнейший Митрополит Чешских земель и Словакии Ростислав: «В дни Великого поста, когда происходит кульминация духовного покаяния православных христиан, также проходит и кульминация несправедливых и непростительных притеснений Украинской Православной Церкви со стороны украинской государственной власти. Это преследование, которое продолжается уже несколько десятилетий и имеет целью заменить каноническую Церковь раскольническими структурами в последние дни приобрел характер попытки ликвидации».

Украинская Православная Церковь всегда декларировала и доказывала свою аполитичность и национальный характер. Несмотря на это она оставалась объектом бесчисленных нападок и попыток ее дискредитировать. Кампания ненависти против представителей и верующих УПЦ завершилась в эти дни приказом о выходе монашеской братии Киево-Печерской Лавры из обители.

Нынешняя Голгофа Украинской Православной Церкви – гонения на ее духовенство и унижения верующих – не будет забыта ни Богом, ни историей».

Блаженнейший Митрополит всей Америки и Канады Тихон выступил с заявлением, в котором напомнил, что Православная Церковь в Америке объединяет священнослужителей и верующих различных национальностей, а ее приходы и епархии хранят этнические традиции многих Поместных Православных Церквей, однако особое историческое отношение она имеет «к святым традициям православного христианства, берущим начало от Церквей Руси, а родной город всех народов и Церквей Руси в целом и Украины в частности – Киев. Поэтому мы с особой тревогой наблюдаем за нынешним развитием отношений между гражданскими властями Украины и монашеской братией Киево-Печерской Лавры, колыбели монашества на Руси».

Владыка заверил «духовенство и украинских верующих, которых окружают беды со всех сторон, в том, что Православная Церковь в Америке готова поддержать Украинскую Православную Церковь как нашими молитвами, так и любыми другими средствами, которые находятся в нашем распоряжении».

Архиепископия западноевропейских приходов русской традиции: «Глубоко потрясенный российско-украинским конфликтом, длящимся более года, Епархиальный Совет Православных Церквей русской традиции в Западной Европе хотел бы заверить монашескую общину и Духовную академию Киево-Печерской Лавры в своей поддержке и молитвах в это тяжелое время, которое они должны переживать».

Источник: Патриархия.ru

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА НАКАНУНЕ РЕЙДЕРСКОГО ЗАХВАТА ВЛАСТЬЮ

Информационно-просветительский отдел УПЦ опубликовал аналитический материал по ситуации вокруг Киево-Печерской Лавры и УПЦ, подготовленный редакцией «Первый аналитический. KTime» 15 марта 2023 года, в котором констатировалось следующее:

«В последние дни тема противостояния властей Украины с Украинской Православной Церковью получила новый оборот. 10 марта стало известно о том, что Национальный заповедник “Киево-Печерская Лавра” разрывает договор об использовании Нижней Лавры с Украинской Православной Церковью. Чиновники обязали монахов УПЦ покинуть территорию Лавры до 29 марта 2023 года. В своем решении музейщики ссылаются на выводы Межведомственной рабочей группы и письмо Министерства культуры и информационной политики, а также указ президента Украины “Об отдельных аспектах деятельности религиозных организаций в Украине и применении персональных специальных экономических и других ограничительных мер (санкций)”.

Все эти документы так или иначе клеймят УПЦ “религиозной организацией, центр которой находится в государстве-агрессоре”.

шихся под открытым небом. Они пришли засвидетельствовать свою поддержку братии Лавры, выступая против ее отъема у церкви. Примечательно, что ни одно мейнстримное украинское СМИ не показало фото и видео с этого многолюдного праздничного молебна.

Однако, чтобы ни говорили в УПЦ, похоже, власти уже назначили ее представителей “врагами”. Об этом можно судить по заявлениям депутатов от правящей партии, министра культуры и самого президента. В своем видеообращении от 12 марта Зеленский фактически прямо назвал представителей УПЦ “агентами Кремля” и обвинил их в “воровстве наших ценностей. Мы не допустим, чтобы у государства-террориста осталась хотя бы какая-нибудь возможность манипулировать духовностью нашего народа, разрушать украинские святыни – наши лавры – или воровать из них любые ценности”.

За последнюю неделю министр культуры А. Ткаченко и нардеп Н. Потураев как минимум дважды назвали находящиеся в Лавре мощи святых “музейными экспонатами”, обратившись в СБУ за “помощью в их сохранности”. Кроме того, Ткаченко прямо намекал монахам УПЦ на то, что остаться в Лавре им разрешат только в случае перехода

“еще прошлой осенью и теперь намерены довести дело до ее законодательного запрета. То, в каком формате после этого будут существовать общины УПЦ (позволят ли им сохраниться как отдельным храмовым общинам на приватизированной ими земле, или будут преследовать при помощи СБУ и конфисковать имущество, загоняя верующих молиться по квартирам и частным домам) – пока неизвестно. Но решение власти “ликвидировать” УПЦ очевидно».

ХРОНИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

■ 20 марта 2023 года в Киево-Печерской Лавре под председательством Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия состоялось заседание Священного Синода УПЦ, который «в связи с многочисленными случаями дискриминации верующих и общин Украинской Православной Церкви и ситуацией вокруг Свято-Успенской Киево-Печерской лавры принял обращение к президенту Украины».

В тот же день Священный Синод в полном составе пришел к Офису главы государства с намерением лично вручить Зеленскому обращение. Но он не принял их, продержав владык, многим из которых уже за 70, в тече-

Бога делает – то, что на сегодняшний день там происходит. Вы же не пререкаетесь с Богом? Вот, Бог так решил, что 29 числа должны покинуть эту обитель».

■ 30 марта 2023 года. Понимая риск оказаться перед закрытыми дверями Киево-Печерской Лавры, прихожане накануне отказались покидать стены обители и ночевали прямо в храмах, не пропустив утром на территорию Лавры членов комиссии Министерством культуры по приему-передаче имущества монастыря государству, живым щитом противостояя националистам.

Среди сторонников радикальных организаций, пришедших для изгнания из Лавры духовенства и верующих, были активисты с красноречиво свидетельствующими о духовных приоритетах надписями на футболках, призывающих «поговорить о господе и спасителе нашем сатане» (см. фото внизу).

Вот такая своеобразная презентация идеологии власти и «домашнее задание» сатанистам от нее представить УПЦ «террористами», которых не только можно и нужно изгонять из Лавры, но и вообще – физически уничтожать.

В день предполагаемого выселения монахов из Киево-Печерской Лавры наместник

Впрочем, по данным украинской службы британского информагентства ВВС, сама экспертиза, на основе которой расторгли договор аренды с УПЦ, опубликована не будет и получила гриф “для служебного пользования”. Как пишет издание, одним из основных аргументов для разрыва договора аренды в ней названа “варварская перестройка музейных помещений”.

Тем не менее, учитывая кампанию по планомерному ущемлению УПЦ с целью последнего запрета ее деятельности, которую власти Украины проводят с ноября 2022 года, не вызывает сомнений политическая подоплека этого решения.

В самой УПЦ назвали требование покинуть территорию Киево-Печерской Лавры не имеющим ничего общего с законодательством Украины. Как заявил наместник монастыря, митрополит Вышгородский и Чернобыльский Павел (против которого указом президента Зеленского за последние несколько месяцев были дважды введены санкции), покидать Лавру монахи не намерены: “Мы не намерены выселяться и не будем, так как сейчас есть законы, которые на стороне человека. Нам угрожают, что с нами расправятся – это не 17-й год. Сегодня есть мировое сообщество, есть какая-то культура... Мы не коллаборанты, мы граждане своей страны, мы люди, которые тут (в Лавре) живут с 1988 года, у многих нет другого места, кроме этого”.

В воскресенье, 12 марта, в день памяти Всех Святых Киево-Печерских, в Нижней Лавре собрались несколько тысяч верующих Украинской православной церкви, молив-

в ПЦУ, а Потураев пригрозил населению лавры физической расправой: “Нам нужно готовиться и к тому, что в Киево-Печерскую Лавру придет и патриотически настроенная общественность, в частности, ветераны войны, чтобы поддержать ее освобождение от представителей московского патриархата”.

На сегодняшний день все свидетельствует о том, что власти намерены реализовать эти угрозы и насильно выселить из Лавры монахов УПЦ. Сами монахи уходить не намерены. Но никакие реальные рычаги для того, чтобы повлиять на власть или отстоять свой монастырь у них нет. Сейчас вопрос, похоже, состоит только в том, насколько далеко зайдут власти в применении силы при выселении монахов.

Что же касается дальнейших планов Офиса президента на Лавру, их недавно довольно точно описал глава Госслужбы по этнополитике и свободе совести, многолетний лоббист ПЦУ и ярый сторонник запрета УПЦ В. Еленский. По его словам, государство намерено заключить договор о пользовании Лаврой “с другой монашеской общиной, которая не Московская Патриархия”. Очевидно, что под этим Еленский имеет ввиду ПЦУ, в составе которой количество монашествующих вряд ли хватит даже на один монастырь, и которую по-прежнему не признают большинство из 15 поместных православных церквей в мире.

Впрочем, канонические вопросы и даже вопросы владения церковным имуществом для украинской власти в борьбе против УПЦ вторичны. Очевидно, что в Офисе президента выписали церкви политический “приго-

нии двух часов на холоде, не предложив им даже пройти в помещение».

■ 24 марта 2023 года Управление Верховного комиссара ООН по правам человека опубликовало доклад о свободе религии на Украине, в котором обратило внимание на то, что действия государства в отношении Украинской Православной Церкви в период с 1 августа 2022 года по 31 января 2023 года носят дискриминационный характер.

Показательна была реакция Офиса президента, советник которого М. Подоляк призвал не отбрасывать внимание на резолюцию ООН, «потому что демократический мир четко понимает фиктивность этих отчетов. Все, что делает Украина – это защищает свое пространство, в том числе – религиозное, избавляясь от влияния УПЦ». Выразив убеждение в том, что в стране должна остаться только ПЦУ, Подоляк не исключил возможности «физической зачистки» представителей УПЦ.

■ 29 марта 2023 года Секретарь Совбеза Украины А. Данилов заявил, что выдворение монахов из Лавры – свершенный факт, не подлежащий обсуждению. Киево-Печерская лавра станет музеем, в котором будут совершаться богослужения, но – по законам страны, а не с теми «искусственными образованиями» (имея ввиду УПЦ), которые созданы в огромном количестве вне закона Украины. При этом секретарь Совбеза заверил, что «никто никого не собирается вытаскивать отсюда за ноги или применять какое-то насилие. Я хочу напомнить, если вы говорите, что все, что происходит в мире, это рука Бога, так и считайте, что это рука

обители митрополит Павел записал видеообращение к Зеленскому, опубликовав его на YouTube-канале Лавры.

«Говорю вам, господин президент, и всей вашей своре, что слезы наши не упадут на землю, они все упадут вам на голову. Сегодня вы думаете, что, войдя во власть на наших спинах, на нашем пожелании, можно так с нами поступать? Господь не простит ни вам, ни вашей семье этот поступок!»

Потому что сегодня 220 человек братии выброшены вами на улицу. Потому что вы не смогли принять митрополита Киевского Онуфрия с Синодом. Вы не смогли остановить одержимого буйством, злобой, ненавистью и дьявольским бешенством министра культуры – значит, он творит все с вашего разрешения. Горе вам. Бойтесь!»

Власть не оставила без внимания заявление наместника Лавры: в тот же день митрополит Павел был доставлен в Шевченковский суд Киева, который в спешном порядке предъявил подозрение владыке в «оправдании вооруженной агрессии РФ против Украины» и избрал ему меру пресечения в виде круглосуточного домашнего ареста на два месяца в селе под Киевом с ношением электронного браслета и запретом на посещение богослужений в Киево-Печерской Лавре.

Из зала суда наместник обители митрополит Павел обратился через журналистов с заявлением ко всем Поместным Церквам:

«Ваше Святейшество, Православные Поместные Церкви, Ваше блаженство, Ваш Синод, епископат, вот так поступают в нашей стране с неугодными людьми. Ну что ж, помогите им Господь. Благословлял всех

президентов на выборы, молился, а сегодня удостоен такой великой чести.

Очень, очень всем ненавистникам благодарен, уже все выплакал. Молюсь Богу, чтоб Господь послал им разум. Но если умру, то расскажите, что закончился крестный путь и человек дошел до крайней точки, до которой должен был дойти.

Спасибо вам. Показывайте про Лавру чаще, про пещеры, не политическое. Чтобы люди знали, что наша страна богата дарами благодати Святого Духа, здесь живут святые люди, нас православных очень много не только в Украине, но и по всему миру. Я вам, дорогие журналисты, благодарен за все».

Верующий народ откликнулся на творимое беззаконие, сплотившись вокруг УПЦ: храмы в Лавре переполнены, многие прихожане молятся на улице, так как ни один храм не может разместить такого количества людей. Акафистное пение Киево-Печерским угодникам Божиим и воскресное всенощное бдение под открытым небом у стен святыни 1 апреля 2023 года сопровождалось концертом с пением и танцами сторонников раскольнической ПЦУ.

Президент Зеленский так прокомментировал то, что творится вокруг УПЦ и Киево-Печерской Лавры в частности: «Сделан еще один шаг к укреплению духовной не-

зависимости нашего государства. Украина – это территория самой большой религиозной свободы в этой части Европы».

Творчески развивает мысль «отца нации» ее «духовный владыка» – глава так называемой «Православной церкви Украины» Епифаний Думенко, заявивший о том, что все происходящее с Лаврой – это «необратимый процесс. Мы призваны пресечь этот “русский мир”, все то, что внутри снова пытается нас повернуть в духовное рабство».

Ситуация вокруг выселения монахов из Киево-Печерской Лавры пока далека от разрешения. Молитвенное стояние верующих и насельников обители продолжается, несмо-

тря на бесчинства осатаневших «патриотов».

■ 3 апреля 2023 года группа народных депутатов зарегистрировала в парламенте законопроект постановления «Об обращении Верховной Рады Украины в Кабинет Министров о расторжении с Украинской православной церковью московского патриархата договора аренды комплексов сооружений Почаевской Успенской лавры».

Второму по значимости монастырю УПЦ уготована судьба Киево-Печерского монастыря – передача Почаевской Лавры государству грозит выселением братии и закрытием обители. Украина на пути обретения еще одного заповедника...

«ЦЕЛЬ ВЛАСТИ УКРАИНЫ – ЛИКВИДИРОВАТЬ КАНОНИЧЕСКУЮ ЦЕРКОВЬ»

Интервью Председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойды порталу «Аргументы и факты»:

Ю. Тутина: Владимир Романович, ситуация вокруг Киево-Печерской лавры: чего добивается светская власть Украины и каков сценарий развития событий?

В.Р. Легойда: Как представляется, украинские власти преследуют цель полного уничтожения Украинской Православной Церкви и считают, что для этого нужно лишить ее главнейших святынь. Очевидно, что на наших глазах совершается беспрецедентное по меркам XXI века преследование верующих, грубейшее попрание их прав. Кажется, что сила на стороне политических радикалов и раскольников, которые чувствуют свою полную безнаказанность. Но мы, верующие, знаем и верим, что Господь не оставит Свою Церковь, помним мы и печальную участь боготорцев XX века, которые плохо закончили свои дни и преданы забвению своими потомками.

Ю. Тутина: Часть людей уверена, что проблемы у Православной Церкви на Украине начались с началом СВО. Но реально ситуация имела более глубокие и давние корни и в любом случае мирно бы не разрешилась. А где и в чем начало, корни этого?

В.Р. Легойда: В новейшей истории церковный вопрос перешел в острую фазу после распада СССР, когда власть Украины провозгласила лозунг «независимой стране – независимую Церковь». Идея создания «национальной Церкви» опиралась на политическую установку, что якобы Церковь на Украине несвободна, как были «несвободны» от Союза ССР национальные республики, его составлявшие. Как вы помните, тогда многие республики, включая РСФСР, приняли декларации независимости. Оценку этой логики в межгосударственной ее части мы оставляем политологам. Церковная же жизнь не должна копировать происходящее в мире государств. Да, Церковь с уважением относится к изменяющимся государственным границам, но церковные границы, границы пастырского служения не должны определяться только политическими изменениями. Церковное единство выше линий, прочерченных на карте.

Но на Украине нашлись люди, абсолютное меньшинство, которые думали иначе. Филарет Денисенко, бывший иерарх Русской Церкви, нарушив клятвы перед Крестом и Евангелием, провозгласил себя патриархом Украины. В этом сомнительном «проекте» совпали, с одной стороны, политическая воля руководства Украины, с другой стороны, личные амбиции Денисенко. Он ранее рассчитывал на то, что станет Патриархом Русской Церкви, но избран не был. А от амбиций стать «главой» Церкви не отказался.

Русская Церковь продолжает считать пространством своей пастырской ответственности или, как мы говорим, канонической территорией государства, образовавшиеся в границах бывшего СССР, за исключением Грузии и Армении, где есть свои Церкви. Разумеется, в условиях обострения межгосударственных противоречий появились новые вызовы церковному единству. Не только на Украине, и в других государствах на приходы оказывается давление, чтобы они разорвали связь с Москвой. Наши молитвы о том, чтобы несотворения прошли и Церковь была едина.

Ю. Тутина: Я была в Киеве вместе с покойным Патриархом Алексием II, он тогда прилетел одновременно с Варфоломеем, был уже нездоров – за ним ездил реанимобиль, но именно в тот момент была переломлена ситуация, народ вместе со своим Патриархом – русским! – вышел на многотысячный крестный ход. И на несколько лет злые силы, желавшие прибрать к рукам верующих с Украины, притихли. Почему же ситуация опять обострилась и дошло до разделения православных?

В.Р. Легойда: Визит Святейшего Патриарха Алексия II в 2008 году был очень знаковым. Именно тогда митрополит Смо-

Ю. Тутина: С константинопольскими амбициями все ясно в этом вопросе. А какую роль сыграл Запад – ЕС и США?

В.Р. Легойда: Тесные связи церковного Стамбула с США не являются тайной, американские политики в последние годы выступили открыто в поддержку действий Фанара на Украине. Греческая диаспора обладает влиянием в американском политическом истеблишменте. Оттуда происходит и материальная поддержка, которой пользуется Константинопольский Патриарх. Евангельские слова о том, что «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», здесь сбываются с саморазоблачающей неизбежностью.

ленский и Калининградский Кирилл (будущий Патриарх) выступил перед огромной аудиторией на Крещатике и произнес слова преподобного Лаврентия Черниговского: «Россия, Украина, Беларусь – вместе мы Свята Русь!»

Патриарх Кирилл ежегодно ездил на Украину, иногда даже по несколько раз в год, свидетельствуя, что его паства не разделена государственными границами. Предстоятель Русской Церкви не раз говорил, что неважно, какой паспорт у него в кармане, потому что он не представляет здесь российское государство, он приезжает к своей пастве.

То, что Вы называете «обострением», связано с попытками использовать Православие на Украине в политических целях. Бывший тогда президентом Украины Порошенко в попытке переизбраться на второй срок выдвинул три тезиса, одинаково нелепых для светского, демократического государства: «один народ, один язык, одна Церковь». На роль «единой церкви» были избраны раскольники, получившие автокефалию от Патриарха Варфоломея по просьбе украинских властей. Вмешательство Фанара лишь усугубило раскол. В итоге Порошенко это не помогло переизбраться, церковный вопрос не был и не мог быть решен таким неканоническим, игнорирующим права УПЦ путем.

Отдельно следует подчеркнуть, что увеличение роли религии в обществе увеличило и соблазн политиков использовать веру в своих, часто несовместимых с ней целях.

Ю. Тутина: А что же католики? Папа уверяет, что мечтает о мире для Украины, а сам отказывается от давно запланированной встречи со Святейшим и при этом бросается такими странными словами, что гомосексуализм грех, а не преступление. Почему он готов смолчать про аборт, про гомосексуализм, про превращение мальчиков в девочек медицинскими манипуляциями?

В.Р. Легойда: Комментирование действий Папы Римского – вне моей компетенции. До момента начала СВО римский понтифик занимал вполне взвешенную позицию по Украине, она была зафиксирована и в документах Гаванской встречи с Патриархом Кириллом, говорил он и о сомнительной роли НАТО уже после начала конфликта. С другой стороны, относительно недавно Папа позволил себе ряд комментариев определенного рода, которые не делают отношения между нашими Церквями проще.

Ю. Тутина: И как вообще дошел до этих перевернутых позиций европейский мир? Почему они забыли непреложные христианские истины?

В.Р. Легойда: Христианские ценности находятся под угрозой в общем пространстве, которое создано глобализацией, и мы часть этого пространства, от него практически невозможно отгородиться. В России только в последнее время сделан ряд практических шагов в защиту традиционной морали – так, в Конституцию внесены поправки, в которых зафиксировано, что брак – это союз мужчины и женщины. И

это по нынешним временам очень смелый тезис, который полностью отвергнут во многих европейских странах. Но, называя вещи своими именами и не закрывая глаза на происходящее на Западе, мы должны задуматься и о своих проблемах. Например, посмотреть на статистику разводов и аборт.

Ю. Тутина: Как живет Церковь в Украине сегодня? Имеет ли Русская Церковь связь с оставшимися в Украине верующими и священнослужителями?

В.Р. Легойда: К сожалению, свободный и доверительный разговор с нашими братьями на Украине практически невозможен. За любую попытку вступить в контакт с Москвой можно оказаться в тюрьме или застенках СБУ.

На первых порах президентства Зеленского тема канонической Украинской Православной Церкви не являлась актуальной, были надежды, что «наследие Порошенко» будет пересмотрено. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Примерно с конца ноября прошлого года давление на Церковь существенно усилилось, в Раде дали ход законопроектам, связанным с запретом Украинской Православной Церкви. И это несмотря на то, что Украинская Церковь не давала никакого повода власти для преследований, не нарушала законов, не вела никакой подрывной политической деятельности. Но сейчас власть идет попросту по пути ликвидации канонической Церкви, она «виновата» только уже тем, что есть.

Ю. Тутина: А что происходит на вернувшихся в Российскую Федерацию территориях?

В.Р. Легойда: На новых территориях каноническая ситуация складывается по-разному. Одна епархия – Ровеньковская епархия в Луганске обратилась к Патриарху и Синоду и была принята в прямое Патриаршее управление. В остальных епархиях ситуация непростая, в первую очередь потому, что территории большинства епархий разделены линией фронта.

Ю. Тутина: Священники в зоне СВО: Святейший сказал, они – самая желанная мишень для украинской армии. Как можно стрелять в служителя культа? И почему священники готовы ехать туда?

В.Р. Легойда: В ситуации боевых действий пастырская забота приобретает особое значение. Вы правы, священники рискуют жизнью, и несколько военных священников уже пали смертью храбрых, исполняя свой долг.

Как говорил мне один военный, имеющий большой опыт боевых действий, священник и пастырская забота – это антитеза против расчеловечивания, угроза которого на войне огромна. Принято говорить, что в окопах атеистов не бывает, потому что человек сразу осознает хрупкость своей жизни. Но в условиях угрозы жизни могут проявляться и не самые лучшие качества. Здесь роль священника важнее многого другого, он должен помочь человеку, вынужденному убит, сохранить человеческий облик. Нельзя забывать также о необходимости пастырской заботы о людях, получивших ранения и тяжелые увечья. Мы знаем свидетельства священников, посещающих военные госпитали, что есть ситуации, в которых человек, получивший такие травмы, даже с психологом говорить не готов, и только пастырь может достучаться до его сердца.

ЖИЗНЬ НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

ИСТОРИИ О ТОМ, КАК СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ СТАЛО ЖИЗНЕННОЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ И ПРИЗВАНИЕМ

Войну романтизировать нельзя. Независимо от целей, причин или степени ее неизбежности. Война – это всегда страх, боль, смерть... Мы, те, кто там не был, даже представить себе не можем, каково это – воевать и не расчеловечиться. Однако, именно на войне формируется и пространство для духовного роста человека. На войне, как нигде. Как хочется в этой непроглядной тьме, на передовой, разглядеть простых людей, жизнью своей являющих пример служения ближним. Познакомиться с судьбами некоторых из них нам помогут публикации, заимствованные из Интернет-журнала «Прихожанин». Их автор – Елена Кучеренко, записавшая военные истории, рассказанные неоднократно ездившим на Донбасс волонтером, и переложившая привезенные им аудиозаписи, в которых участники событий сами рассказывают о себе.

КАК РОЖДАЕТСЯ ВЕРА

Есть у нас друг, Михаил. Правда, зовут его на самом деле по-другому. Но он сам попросил изменить свое имя. Человек этот ездит в военные госпитали и дальше – «за ленточку». Возит гуманитарную помощь – сапоги, теплую одежду, термобелье, лекарства, и даже православные книжки. Собирает деньги, закупает все и сам едет.

А еще он возил с собой детские письма. Девчонки и мальчишки из храма, куда ходит Михаил, написали их незнакомым солдатам. Простые, наивные, иногда смешные слова поддержки и пожелания поскорее вернуться домой. И еще неумелые рисунки. Михаил рассказывал, что эти листочки с детскими «каракулями» оказались там не менее важны, чем сапоги и термобелье. Суровые мужики, которые бывали под обстрелами, сами стреляли, получили ранения и видели смерть на расстоянии вытянутой руки, плакали над этими письмами, как дети...

По образованию Михаил – врач, но давно уже занимается бизнесом. По «прошлой медицинской жизни» знаком он с большим количеством медиков. В том числе с теми, кто работает сейчас в военных госпиталях в Донецке и Луганске.

Человек он верующий, и раньше еще, в мирные времена, удалось Михаилу побывать на Афоне. И там в Ивероне приобрел он икону Божией Матери «Иверская». Освятил, приложил к чудотворному первообразу и привез домой. То здесь думал повесить, то там... Но то не получалось, то руки не доходили. Она не маленьких размеров. Так и лежала икона, ждала своего часа. И дождалась.

В августе Михаил оказался в ЛНР. Повез знакомого хирурга туда в госпиталь.

– Имя называть не буду, но этот человек творит чудеса, – говорил он мне. – Он тысячи жизней спас.

Захватил еще маленьких иконок и святой воды. Чтобы была хоть какая-то поддержка духовная.

Пробыл Михаил там три дня.

– Честно скажу – очень страшно, – делился он со мной. – Все грохочет. Это же недалеко совсем от линии огня. Я все эти дни Иисусову молитву читал.

Раздал Михаил в госпитале иконки – и врачам, и раненым. Посоветовал молиться. А люди там разные, не все верующие, другие – иноверцы. Но в окопах, как известно, атеистов не бывает.

– Мусульмане подходили: «А нам можно взять?» «Нужно!» – отвечаю.

Все кровати, стены там Михаил святой водой окропил. В мирные дни кто-то ухмыльнулся бы: «Ну да... В святую водичку верят, не в Бога». Но не те сейчас времена.

А самое главное, икону – ту, с Афона – на стеклянную дверь на входе в госпиталье скотчем приклеили.

– Специально там, чтобы все входящие и выходящие ее видели. Хочешь – не хочешь, а помолишься. Или подумаешь о чем-то важном...

Помолился Михаил – и сам, и с ребятами в госпитале, и с врачами, и поехал домой.

Прошло совсем немного времени, недели

три, и узнает он, что там случилось.

Оказалось, начались обстрелы. Ракеты летели. Две недалеко от госпиталя разорвались, а одна насквозь крышу пробил, со второго этажа на первый пролетела, и прямо рядом с той стеклянной дверью, перед иконой, встала, как вкопанная... И не разорвалась! А если бы грохнуло, никого в живых не осталось бы в том госпитале... Двоих только ранило.

Много чего хочется мне сейчас написать такого, духовного. Но как-то не идут слова. Трепещет душа и холодеет все внутри. Лучшее всяких моих слов скажут эс-эм-эс-ки, которые медики другу Михаила отправили, а тот уже ему. Он мне их показал.

«С Михаилом связи нет, передай, что он нас спас! Верись – нет. Химер один точно в центр попал и пробил два этажа. Но не разорвался! Перед иконой встал! А то бы ... нам! Он помолился, и Всевышний нас спас!»

«У меня кровать святая! Он на нее всю воду вылил!»

А тут уже с ним на связь вышли:

«Спас нас лик Богородицы!»

Это пишут brutальные мужики, которые сейчас там... Что еще здесь можно сказать!

Прошло совсем немного времени, и Михаил успел снова побывать на Святой Горе. Это было не просто паломничество. Он вез с собой огромные списки воинов – живых, раненых, погибших. Молитва об этих людях и стала целью поездки и благословением священника, которое он выполнял.

Я знала, что Михаил полетит туда. Поэтому передала ему имена своих знакомых, которых мобилизовали, знакомых и родственников моих друзей... И тех, кто приходил в наш московский храм перед отбытием в зону военных действий, их всегда видно...

Михаил со своими спутниками побывали в нескольких монастырях Афона. Добрался до Русского Пантелеимонова монастыря. Его игумену отец Евлогий дал освященного масла для госпиталя – несколько бутылок от мощей и чудотворной иконы целителя Пантелеимона. И маленьких иконок. Всюду Михаилу давали бесплатно – во всех монастырях. Вернувшись с Афона в Москву, он через день уже уехал волонтером в ЛНР.

– И вот что еще я хочу сказать, – делится Михаил. – Тогда, на Афоне, я очень хорошо понял одну вещь. Никакого самочиния быть не должно. Нужно положиться на волю Божию. И осознавать, что ты – лишь орудие в Его руках. Не гордиться, если что-то получается, не превозноситься... Просто делать свое дело и молиться. Не рассуждать – кто прав, кто виноват, а помогать ближнему. И не всегда этот ближний может оказаться приятным тебе человеком.

Так, положившись на Господа, Михаил загрузился гуманитаркой, закупленной на триста тысяч, которые они со знакомыми собрали. В основном это были куртки раненым, иконы, масло, святая вода... И в машине, доверху набитой всем этим добром,

поехал к своим друзьям-врачам, которые работают у линии фронта. Оставил автомобиль на границе в «промежуточном» госпитале, перегрузил с товарищами все это в военный ПАЗик и отправился «за ленточку».

– Когда я туда приехал, я был, честно говоря, очень удивлен, – вспоминал он. – Такой встречи я не ожидал. «Мы дни считали до твоего приезда», – говорили мне парни. Я был и обескуражен, и смущен, и мне было радостно, что ребята меня ждали. Это было очень трогательно!

В первый же вечер, когда все легли спать, у Михаила зазвонил телефон:

– Ты не мог бы окропить святой водой место, где мы находимся? Этот наш госпиталь. Разведка донесла, что нас засекли, и по нам возможен удар «хаймерсами».

– Я сразу подрываюсь, – рассказывал Михаил, – хватаю крещенскую воду. Жожу, кроплю. Читаем вместе с ребятами акафист Пресвятой Богородице. Всех их тоже окропил, раздал им иконки. Они очень воодушевились, успокоились... Начались длинные ночные разговоры – обо всем, и о духовном.

Мужики там прямо жаждут этого. Они словно не могут «напитаться» этим. Потому что в окопах есть смерть, вечность перед глазами, но нет ни храмов, ни священников. Последние есть, конечно, но их мало. А они, ох, как нужны там! И так получилось, что я оказался в роли какого-то «медиатора», который пытается настроить их на духовную жизнь.

В госпитале Михаил с ребятами сделали молитвенный уголок. Набрали в тазики песок, чтобы можно было ставить свечки. Он их тоже привез с собой – килограммов десять свечей. Иконы развесили... Спасителя, Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Матроны Московской, целителя Пантелеимона... Иверскую, конечно. Не ту – из предыдущей истории. Она так и осталась в госпитале, где произошло чудо с ракетой. А эта новая тоже прибыла с Иверона.

На небольших бумажках Михаил написал коротенькие молитвы и повесил рядом с иконами. Например: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас». Или об упокоении. Там мало кто знал даже такие молитвы. Ведь до войны большинство этих людей церковной жизнью не жили и даже не задумывались ни о чем подобном.

– Моя задача заключалась в том, чтобы поддержать наш медицинский отряд, чтобы ребята не падали духом, – говорил Михаил. – Чтобы они старались воцерковиться... Это очень важно на войне! Очень! Мы каждый вечер вместе читали или акафист Пресвятой Богородице или акафист целителю Пантелеимону. Или я читал вечернее правило, а ребята слушали. Начинаю читать... Сначала со мной один человек, потом – два. К концу оборачиваюсь – весь отряд стоит. Это было очень... даже не знаю, как сказать... до мурашек просто... И мне очень радостно, что меня там приняли, как своего. Я же, в отличие от всех, находился в «лайтовых»

условиях. Я не военнообязанный, не раненый, не врач. Я – волонтер. Более того – друг командира. Мы вместе учились. Но, тем не менее, отношение ко мне было не как к «околовоенному мажору», а как к своему.

И еще. Я вот тогда молился: «Господи, дай мне исполнить Твою волю! Не как я хочу, а как Ты!» И получилось все намного лучше, чем я даже предполагал. Мне удалось сделать намного больше, чем я себе запланировал. Я мог поддержать и медиков, и ребят в госпитале, практически к каждому раненому я мог подойти, сказать какие-то слова, подарить иконку святого. С этими иконками очень интересно получилось.

В отряде было три Олега. И матушка из храма, куда ходит Михаил, дала ему иконки благоверного князя Олега Брянского, преподобного Сергия Радонежского и несколько иконок преподобного Виталия Александрийского.

– Я тогда еще подумал: «Зачем мне Виталий Александрийский? Редкое имя... В последние годы я Виталиев не встречал.

Но случилось так, что в отряде был раненый парень по имени Виталик. А когда позже Михаил возвращался в эвакуационном автобусе с позиций, с ними был доброволец Виталий. Он был некрещеный, но хотел креститься и искал подходящий для этого случай. Случай этот представился в необычном месте. Михаил крестил его мирским чином прямо там, на ходу. Сказав, чтобы потом, когда появится возможность, он пошел в храм и рассказал об этом священнику.

ЖИЗНЬ НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Да, Михаил побывал и на линии соприкосновения. Это окопы, блиндажи...

■ Ехали мы туда на «Линзе». Это бронированный медицинский автомобиль. Я в каске, броне... С нами начмед, охрана. Охрана всегда сопровождает раненых с позиций. И на первом же блокпосту произошла интересная история. По рации передали: «Идет начмед и батюшка». «Я – не батюшка», – говорю... – Да ладно, будешь батюшкой! – отвечают.

Встретили их два бойца. Михаил сразу вручил им иконки, пояски с девяностым псалмом. Спросил, есть ли крестики? У обоих были, но один сказал, что не крещеный.

– А как тебя зовут?

– Марат.

Рассказал, что вырос в мусульманской семье, но крестик носит.

– Хочешь, я тебя окрещу?

– Конечно, хочу!

Михаил крестил его мирским чином:

– Теперь ты будешь Максимом! И когда придешь в храм, обязательно скажи батюшке, что мирянин крестил тебя. Он все «доделает» как нужно...

Это был первый крестник Михаила.

Приехали на другую позицию. Один – Руслан, второй – Матвей:

– Мы хотим креститься.

– Ну вот вам крестики.

Михаил и их крестил мирским чином.

На третьей позиции то же самое.

– К морпехам заехали... Там все в блиндажах. Окопы роют. Строят оборонительные рубежи. «Хочу креститься!» – говорит один. Кирилл... Раздал крестики, иконки.

Встречали нас везде очень тепло: «Вот здесь покрестите, там помолитесь...» Окропил блиндажи, окопы... Там все очень быстро происходит. Никто не дает тебе времени посидеть, поговорить – засекут движение. С той стороны быстро корректируют огонь и могут накрыть. Так что бегаем от окопа к окопу... Гуманитарку раздали – резиновые сапоги, пенки, чтобы тепло было ребятам спать. Хотя в блиндажах в принципе тепло. Буржуйки топятся...

Побывал Михаил и на месте, где по нашим военным попали из минометов. Их обстреляли во время сна. Два человека погибли. Там он прочитал литию мирским чином, а на обратном пути в автобусе ему встретился тот самый Виталий.

– На следующий день в госпитале ситуация... Привозят очередную партию раненых.

ных. Я подхожу, раздаю иконки, мажу ребят маслом от иконы целителя Пантелиимона. И вижу – сидит паренек, ждет рентген.

– Ой, а вы вчера были у нас на позиции! – обрадовался парень Михаилу. – Вот крестик, вы мне его подарили...

– А чего здесь делаешь?
– У меня подозрение на пневмонию.
– Выздоровливай! Молодец, что крестик носишь...

– Только я не крещеный.
– Так чего ж ты вчера не сказал? – удивился Михаил.

– Все быстро произошло, я даже не успел.
– Хочешь креститься?
– Конечно, хочу!

Михаил взял воду, еще одного помощника. И начал. Только уже более обстоятельно, чем на позициях.

– Он и «Символ веры» за мной повторил. И я его уже большим количеством воды окрестил. От души так, – смеется Михаил. – Мальчик Денис. Тоже теперь у нас новоначальный. Вот такая жизнь на фронте. Конечно, ребята очень ждут священников. Мало ведь батюшек на фронте, а у парней тех – живая вера. Я уверен, что их молитвы скорее до Бога доходят, чем наши. Потому что Господь рядом с ними. И Богородица, и все святые Его. Хотя, конечно, странно это все и сложно для понимания. Люди стреляют друг в друга. Смерти кругом. Не укладывается в голове. И Бог тут же... Как это может быть? Но прямо чувствуешь Его присутствие.

■ Поступил в госпиталь не очень тяжело раненый парень. Михаил, как обычно, подошел, помазал его маслом, подарил иконку. Привычное все...

– Помолитесь за моих ребят! – попросил пацан. – Меня ранили, эвакуировали, а мои там попали в окружение.

– Конечно, помолюсь! Я и батюшкам всем отправлю, чтобы тоже молились. Только ты мне имена скажи.

– Вы знаете, – смутился парень. – Мы недавно только в группе, и даже не успели толком познакомиться. Знаем только свои позывные. А имен не знаем.

– Ну, давай позывные...
А позывные забавные – «Кролик Джо», «Таджик», «Самаритянин», «Анаконда». И тому подобное...

– Хорошо-хорошо, – заверил Михаил. – Сделаем.

Отослал он все это батюшкам:
– Простите, отцы, – пишу. – Имен нет, только позывные. Они в окружении, нужно помолиться...

Никто из священников мне не отказал. Просьба моя как-то быстро разлетелась по группам. И сегодня буквально мне приходит сообщение от одной нашей прихожанки. Она состоит в молитвенном чате. И туда написала тетя одного из тех пацанов с позывными. Они вышли из окружения, созвонились с родными. Ребятам дали трехдневный отпуск, они подлечились, отоспались и снова поехали «за ленточку». И очень всех благодарили за молитвы. Вот так тесно переплетаются судьбы людей. И наши «дальние» вдруг оказываются нашими ближними.

■ Как-то в один из своих приездов Михаил услышал в госпитале крики и ругань.

– Прибегаю, а там раненый мужик кричит: «Да дайте же мне покурить! У меня ноги нет, куда уж хуже! А вы мне сигарету не разрешаете!» У него, и правда, нога была ампутирована выше колена. Он как раз отходил от наркоза, и ему собирались вколоть снотворное. Но человек всеми силами сопротивлялся и требовал курева.

Михаила там все знают и разрешают подходить к раненым. И он подсел к «дебоширу» на кровать, начал с ним беседовать. Что да как, откуда ранение... Пытался как-то его отвлечь, чтобы врачи смогли сделать укол. Да и просто поддержать по-человечески.

Мужчину того зовут Егор. По профессии он юрист. Мобилизовали, потому что звание у него есть, так и оказался на фронте – в окопах, где командовал группой солдат.

Сидели они в этих окопах безвылазно две недели. Их задачей было держать оборону в случае прорыва с той стороны. За эти две недели они ни разу не вступили в бой. Окопы рыли, позиции укрепляли. Ну и накрывало их огнем время от времени.

В общем, сырость, холод, смерть рядом. На войне как на войне. Настал момент, когда ребята начали унывать, дух боевой терять:

– Сидим здесь, как дураки... И не воюем,

как нужно, и шмалют по нам.

Кто-то даже рассуждал о том, а не «спятитоситься» ли в такой ситуации. Дезертировать, проще говоря. Справедливости ради, это были так – разговоры только. А Егор им говорит:

– Вы, как хотите, а я никуда не пойду! Есть приказ – буду выполнять! И вы даже не говорите об этом!

И как только он это сказал, в окоп к ним прилетела мина. Разорвалась прямо рядом с Егором.

– Нога у меня на коже болтается. Думаю, все, конец мне, – рассказывал раненый. – И кричу пацанам: «Валите отсюда! Спасайтесь! Оставляйте меня! Я уже «двухсотый!»» – А они ни в какую! Из-под огня вытащили, до машины донесли, погрузили. Жизнями ради меня рисковали! Герои! А ведь минуты назад что-то там бубнили. Спасли и говорят: «Не, командир, мы теперь никуда!»

Вот такая история о подвиге. О победе над собой. А сколько их, таких историй сегодня? Многого мы еще не знаем...

– Егора ранило на следующий день после дня памяти Георгия Победоносца – его святого, – продолжил Михаил. – Правда он об этом не знал. Я рассказал ему о его небесном покровителе и том, что он был обезглавлен. Но даже под пытками не отрекся от Христа. «А ты без какой-то сигареты потерпеть не можешь». Задумался. А пока мы разговаривали, ему и укол сделали. Я потом зашел его проведать, а он храпит. На следующий день все же я его с сигаретой увидел. На улице, правда. Еще поговорили. Хороший мужик!

■ Было, конечно, и грустное, трагическое. В госпитале Михаил участвовал в реанимации парня. Медиков было четверо. Полчаса они пытались «завести» пацана, по очереди делали непрямой массаж сердца. Но он скончался... Это было очень больно для всех.

Потом Михаил сказал реаниматологу:
– Вы понимаете, что вы – святые люди! Вы столько жизней спасли!

– Да мы в ад попадем! Ты не знаешь, сколько мы потеряли! – отвечает тот.

– Но ты осознаешь, что это воля Божия? В конечном итоге все в Его руках. Да, нам сложно понять, почему этот мальчик погиб, а тот, который был в критическом состоянии, выжил. Но для тебя самое важно, где ты был в этот момент. Твое сердечное расположение к этому человеку. Нашему, или украинцу, которые туда тоже попадают. Важно, что ты не просто констатировал смерть, а начал делать этот непрямой массаж сердца. И делал его до боли в руках и спине...

Михаил говорит, что с реаниматолога этого пот лился градом, как, впрочем, и со всех там. Пока «качают» – пульс есть. Перестают – нет. И все по новой.

– Там реально святые люди работают, – говорил мне Михаил. – Под минами, под обстрелами вывозят раненых. Везут в госпиталь: «Быстрее, быстрее!» Чтобы спасти жизни. На лбу у раненых написано время наложения жгута. Чтобы было ясно, когда его можно ослабить, чтобы не было некроза тканей... Летят не только своих, но и чужих. В одном госпитале целый этаж был отведен под раненых ВСУ, которых тоже подбирали. И никто никакой разницы не видел. Свои или чужие... Все сейчас пациенты. Правда, был забавный случай. Слышу – шум, крики... Привезли нашего горячего кавказского парня, тоже раненого. И тот, узнав, что в госпитале раненые ВСУ, рвался выяснять с ними отношения. По-мужски, так... Но ему не позволили, конечно.

■ Очень запомнился Михаилу один парнишка-сапер. Шел первым, а за ним – целое подразделение. Он увидел растяжку, схватил ту гранату и держал ее в руке, пока все не прошли. В итоге, ему оторвало кисть.

– Зато он спас своих друзей. И сам выжил. Когда его увозили, он был в сознании. И, если можно так сказать, в хорошем настроении. Потом ему ампутировали все пальцы... Настоящий герой. И таких людей там очень много...

■ Не может забыть Михаил и молодого лейтенанта. По ним выстрелил танк, его ранило в живот, но он пошел проверять своего сержанта. Тому осколок попал в ногу.

– Я обязательно вернусь, вернусь туда, – повторял этот раненый лейтенант. – Как там мои солдаты без меня?!

■ А еще рассказал он о предчувствии. Производилась эвакуация раненых. И был

там среди них капитан с ранением головы.

– Перед отправкой на фронт нас окропил святой водой батюшка, – рассказывал капитан, – прочитал молебен. Ну мы и поехали. До сегодняшнего дня я на позиции ходил очень легкомысленно – без броника, без каски. А сегодня я вспомнил того батюшку и почему-то и бронешит, и каску надел. Не успели расположиться, как нас обстреляли из минометов. Осколок попал мне в голову. Если бы был без каски, меня бы убило моментально.

■ Побывав «за ленточкой», Михаил снова поделился со мной своими впечатлениями, показал фотографии. Вот на одной симпатичный парень... Пошел добровольцем и оказался на передовой в окопах.

– Чудом удалось его оттуда выдернуть и направить врачом в госпиталь, – рассказывает Михаил. – Потому что он хирург-онколог. Такие специалисты тут на вес золота...

А вот красавец-осетин. Когда Михаил был у нас в гостях, он как раз ему позвонил. Миша едва не смеялся в телефон от радости и через слово называл его «брат».

По профессии он сосудистый хирург и тоже пошел добровольцем.

– Его определили сначала водителем-санитаром! Представляешь?! Сосудистый хирург – водитель-санитар! Но потом разобрались, и вот он в госпитале.

Парень этот из многодетной семьи, но почему-то единственный из детей не крещен.

– Он берет святую воду, знает молитвы, но креститься хочет потом – в Осетии. Вот такое его желание. Кстати, именно с ним мы клеили ту икону Иверской Божией Матери, под которой не разорвалась ракета...

На другом фото совсем юный паренек – на вид ему чуть больше двадцати. Закончил медицинское училище. Пошел по повестке...

А вот молодой военный читает детские письма. Это была удивительная история. Михаил привез солдатам около 500 детских писем. И из всего вороха этот парень совершенно случайно вытащил именно то, которое написал сын Михаила, и прочитал на камеру со словами благодарности.

– Мы с ним познакомились, когда я дизельный генератор туда привез. – рассказывает Михаил. – Он сам из Москвы. Когда-то служил срочную, по образованию – фельдшер. Рассказал, что когда началась мобилизация, у него мелькнула мысль уехать куда-нибудь в Турцию или Казахстан. «Но потом я сел, крепко подумал и понял, что если так поступлю, потом всю жизнь буду себя ненавидеть», – поделился он. Ну и пошел воевать. Сложно, конечно... Месяц не мылся, жил в окопах под открытым небом, пока не вырыли блиндажи. В госпиталь приехал, обрадовался: «Ой, я наконец-то помылся! Выспался!» В общем – тяготы и лишения. В Москве у него свой бизнес, все хорошо было. Сотрудники сейчас помогают его подразделению, и кто-то из них в декабре уже идет добровольцем.

– А что это за девочка? – спрашиваю я.
На фотографии – симпатичная молодая девушка...

– Девочка? Она вообще-то подполковник. Начальник этого госпиталя, – смеется Михаил. – А вот мой друг-реаниматолог. Его фотографии висят по всей Москве. Он – потомственный военный. Отец у него в спецназе служил, брат – военный. А он пошел в Медицинскую военную академию. За плечами осетинская кампания, сирийская кампания... Вот так...

Я рассматриваю те фотографии. Вот врач обнимает какую-то собаку.

– А это «Рекс», – рассказывает Михаил. – Наши подобрали на черниговском направлении. Хозяева уехали, и собака осталась одна. Ребята приютили, и Рекс теперь охраняет наш медицинский отряд. Очень хороший, добрый пес.

Приютили медики и кота, который как-то прибил к госпиталю. А на фото уже вальяжно развалился на кушетке, как будто он здесь главный. Кличку ему дали «Химарс».

Я смотрю видео... Отмечают чай-то день рождения. Накрыт стол. Ребята смеются, общаются, танцуют под ту же музыку, что и мы здесь – в мирной Москве. Только там – фоном рвутся снаряды и потоком идут раненые... А эти врачи, санитары, медсестры живут, дышат, любят и танцуют вопреки всему!

– Там обыкновенные, казалось бы, люди, – говорит Михаил, – все очень разные, как и «в миру»... Разные по своему складу,

жизненным позициям, увлечениям, социальному статусу. Есть офицеры и заслуженные врачи, реаниматологи, травматологи, хирурги... Есть средний медицинский персонал, есть обычные ребята – простые водители. Ну как простые... Они – герои. Столько народа из-под обстрелов вывезли... Санитары есть, инструкторы и рядовые. Но это мы здесь все такие «представители разных культурных слоев», а там – одна большая семья. Все за одним столом. Все праздники, радости и все горести – вместе! А горя там много – когда больной или раненый уходит, несмотря на старания наших бригад. Все переживают и проживают вместе.

Михаил рассказывает, что одна из главных черт этих людей – простота в общении и скромность. Но если посмотреть их послужной список, у кого-то – орден «Мужества», у кого-то – орден «За заслуги перед Отечеством», у кого-то медаль «За спасение жизни». У кого-то – звание за очередной подвиг.

– Но они сами об этом не говорят и даже не намекают, – делится Михаил. – Я все узнавал в случайных разговорах через каких-то третьих лиц. Никто не гордится, никто не выпячивается. И эта скромность очень подкупает. А еще подкупает то, что все они настоящие. С человека там словно слетает вся эта шелуха, вся мишура, которая нас окружает «в миру». Никакой зависти, злобы, никакого осуждения. Только любовь. И я очень рад, что смог стать частью этой большой семьи.

Михаил рассказывает, что даже этим людям часто бывает страшно. И когда прилетит, и когда обстрелит, и когда эвакуация раненых с поля боя в «Линзе», а по ним открывают огонь. Страшно, несмотря на то, что они прошли многие горячие точки. Чечню, Осетию, Сирию...

– Но в той же Чечне был стрелковый бой. В Сирии уже накрывали беспилотниками, ракетами. Сейчас еще труднее, – рассказывает Михаил. – Иногда упование только на Господа. Потому что не на кого больше уповать. На свою удачу, на свой опыт они тоже, конечно, надеются. Но в экстремальных ситуациях, когда большой риск для жизни, у тебя надежда только на Бога. Атеистов в окопах нет – это правда.

Все ребята, которые учились на военных врачей, не предполагали, что будут принимать участие в такой войне, как сегодня. Сначала было очень тяжело. Врачи спали в брониках, оперировали в брониках – под обстрелами. Босиком, потому что не успевали даже обуться. Прилет... Привезли раненого, нужно срочно оперировать. Лампу держали руками, а иногда не было света, и генератор не успевал запуститься. Руками делали массаж сердца или вручную качали кислород по трубке. Но они не считают это подвигом. Просто делают свою работу. И вопрос меркантильности здесь на последнем месте. Когда мы учились, мы давали клятву Гипократа. Мы были большими идеалистами. И сейчас те военные врачи, которые учились тогда, так и остались идеалистами.

■ Что еще тебе рассказать? – спрашивает Михаил. – Вот, например, мы считаем, что в нашем госпитале случилось чудо. У нас, наконец, появился священник, отец Сергей. До этого был молитвенный уголок, который мы сами обустроили. Там мы молились. Я тебе говорил... А с его приездом поток раненых резко уменьшился. Возможно, это совпадение. Потому что замедлилась активность на фронте. Но врачи заметили – появился батюшка, работы стало меньше. И они смогли хотя бы вздохнуть, выспаться. До этого спали по два часа в сутки.

Отца Сергия в тот госпиталь привез известный многим священник Петр Гриценко с донецкого направления. Это у него произошло чудо. В сети было даже несколько сюжетов о нем. Он служил на позиции молебна перед иконой Божией Матери Донецкая, и образ обильно заморозил.

– Слава Богу, наш отец Сергей очень активно взялся за работу. Крестит, исповедует, причащает – кого можно, наставляет, беседует. И это, конечно, огромное духовное подспорье, – говорит Михаил. – Ребята воодушевились, госпиталь задышал. Батюшка удивительный, самоотверженный. Ничего не боится, на позиции выезжает. Привозит раненых – сразу идет к ним, встречается. Когда их после перевязок и операций переводят в палату – за ними, поддерживает изо всех сил. А запах в палатах – не дай Боже.

Люди же в окопах месяцами не моются. Но батюшка – человеколюбец. Раненым ведь очень важно, чтобы с ними говорили и их слушали. Они много рассказывают о себе, о своей судьбе, о том, как попали на фронт. Кто-то доброволец, кто-то мобилизованный, кто-то кадровый военный. И, как ни странно, им очень важно говорить о своем ранении. Рассуждать, анализировать. Как они его получили. Почему легкое, почему тяжелое... Как им помог Бог, уберег от чего-то более серьезного... В общем, служит отец Сергей. Хотя и непросто ему. Батюшке 65, он вырастил детей и теперь здесь. По образованию он врач, но тридцать лет уже занимается врачеванием душ.

Недавно совсем отец Сергей крестил молодого фельдшера. Мама у него русская, а папа – татарин. Теперь этот фельдшер – православный христианин Адам. И Михаил тоже считает это маленьким чудом.

В госпитале Адам оказался случайно, он из другого медицинского отряда. Было это около трех недель назад. Тогда к Михаилу подошел коллега фельдшера и сказал, что тот хочет креститься. Батюшки в отряде еще не было, а все уже были слышаны, что Миша всех крестит мирским чином.

– Конечно, покрестим, – ответил он.

Но в тот день им удалось только познакомиться и перебраться парой фраз. Потому что фельдшеру нужно было уезжать на позиции. А на днях буквально, когда в госпитале был уже отец Сергей, этот парень с напарником в 12 ночи привезли больного. Не раненого, а именно больного. У мобилизованного мужчины было подозрение на инфаркт.

Слава Богу, инфаркт не подтвердился. Но пока мужчине проводили исследования, снимали ЭКГ, отец Сергей, который не спал, потому что молился о здравии раненого, ему в тот момент делали тяжелейшую операцию, и крестил этого фельдшера с именем Адам.

– Батюшка сразу три таинства совершил. Покрестил, миропомазал, причастил. Это было намного лучше, чем если бы я в нашу первую встречу крестил его мирским чином. Так что хорошо, что у нас не было времени тогда. Господь все Сам управил.

■ А история про раненого, которому делали операцию, и за которого молился отец Сергей – это, наверное, самая грустная история последних недель в том госпитале. У молодого парня, который толком так и не успел побывать в бою, взорвалась под ногами граната. Множественные осколочные ранения ног, переломы. Осколки попали в живот. Разлитый перитонит – кишечник разорвало, его содержимое и много крови оказалось в брюшной полости...

– Врачам было сразу понятно, что он не жилец, – рассказывает Михаил. – Травмы с жизнью были совершенно не совместимы. Но вот как раз история о долге и о том, где сердце человека. Все понимая, ребята бились за парня до конца. Работали две бригады. Потратили море сил, опыта, очень дорогих компонентов крови. Двадцать литров влили. Вливают, а давление не стабилизируется. Сделали операцию на брюшной полости. Искла источник кровотечения, нашли, купировали... Ампутировали обе ноги... Отец Сергей беспрерывно молился... В какой-то момент давление вроде бы стабилизировалось, все обрадовались... Но парень все равно ушел... Потом я говорил с хирургом: «Вы же видели, что ситуация безнадежная...» «Видели! Но мы не могли иначе!»

И к этим людям, которые не могут иначе, Михаил туда и ездит. Уже не может не ездить. Конечно, в первую очередь, ради гуманитарной помощи.

– Очень поддерживает ребят, что тыл помогает, – делится Михаил. – Они откровенно говорят, что если бы не тыл, не гуманитарка, они не знают, как воевали бы... Если бы не письма эти детские, над которыми они рыдают и знают теперь, что о них не забыли. Что не живем мы здесь, как будто ничего не происходит, пока они гибнут на передовой. Мы вместе... И это настоящая любовь... Все в этом мире держится на любви. Особенно во время войны...

Ну, а второе, да, Михаил ездит туда дышать и прикасаться к чуду любви. Он уже давно состоялся «в миру». У него есть многое, к чему стремился – семья, бизнес.

– Если коротко сказать о моих поездках в военные госпитали ЛНР – я туда приезжаю, чтобы дышать, – говорит он мне. – Это, действительно, так. Главное там – воздух!

Чистый кристальный воздух. Я там почти не спал, потому что не мог надыхаться, напиться общением с этими ребятами. Говорил, слушал, помогал... Без этих поездок я уже не смогу. Там святые люди. Они, конечно, смеются, отмахиваются, отнекиваются, когда я им это говорю. Но со стороны виднее, какие они.

Там я как будто заново родился... И нужен. Не потому, что что-то привез. А потому что ребята скучают по мне. Там, правда, настоящая христианская любовь. Ко мне, друг ко другу, к раненым, к мирным... И все выполняют свою работу не потому, что им деньги за это платят, а потому что это их долг. И военный, и долг любви к ближнему. Да, ребята, бывает, сквернословят, они – солдаты. Но при мне и при батюшке они сразу стараются «сбавить обороты». «Тише-тише, Михаил пришел...» или «Батюшка идет». Сдерживают себя в этом отношении. Но они в любом случае – святые, правда. Потому что за всем этим – огромная подсознательная любовь к людям. Это видно. Любовь, о которой они сами часто не подозревают.

■ Мы еще долго говорим с Михаилом о его поездках в ЛНР, о том, как они повлияли на него самого...

– Жизнь там идет своим чередом, как это ни странно, – говорил он. – Жизнь на дорогах смерти... Я сам об этом много думаю. Я рисковал. Я «подставлял» свою семью. У меня жена, дети, теща. Я – единственный мужик. Но они без меня справились. Женщины всегда справляются. А о себе могу сказать: мне уже пятьдесят лет, но там я обрел новых друзей. Это странно, конечно, в таком возрасте находить друзей. Но все шестьдесят человек – пацанов или девчонок (а там есть и девушки) – теперь мои друзья. И я уверен, что в любой момент они отдадут за меня свое сердце, свою жизнь, закроют собой.

И, знаешь, что еще... Все эти страстишки, которые терзают нас в миру – осуждение, гнев, зависть, гордыня, дразни разные... Там это все уходит на второй план. Потому что люди живут совершенно другими категориями. Война многому учит. Человек быстро освобождается от всего лишнего, наносного. Ты обнажен перед Богом, потому что прямо сейчас ты можешь погибнуть и предстать перед Создателем. И ты это понимаешь. Война – это страшный суд... Так что слава Богу за все! Смысл этих слов ты начинаешь особенно остро ощущать именно там.

А здесь... Здесь мы сидим в своих теплых домах и с умным видом рассуждаем о текущей ситуации.

ЛИЦА ВОЙНЫ

– Там, «за ленточкой», кого только сейчас не встретишь, – говорил Михаил. – Там военные, врачи, герои, лучшие люди страны... Там и гражданские, которые тащат им все, что только можно, от сапог до квадрокоптеров, лишь бы поддержать бойцов. И там разные «мирные» авантюристы, которые мотаются «на передок» за адреналином, просто посмотреть. Я слушаю рассказы Михаила об очередной поездке. И проходят перед глазами лица... Какой-то совершенно новый мир с новыми героями. О котором еще недавно я и помыслить не могла.

■ Старший санинструктор с позывным «Док». Ему сорок два. У него на гражданке семья, а за плечами война в Чечне. Но, кажется, что при виде диктофона этот суровый и смелый человек волнуется больше, чем во время артобстрелов. Михаилу стоит больших трудов его разговорить.

Когда была объявлена частичная мобилизация, мужчина сам пришел в военкомат.

– Я понимал, что и по срочной службе, и по категории (у меня «А», и я – медик), и по здоровью, и по тому, что я ветеран боевых действий, я, скорее всего «в списках», – рассказывает он. – Поэтому повестку не ждал. Сразу пошел уточнять – подпадают ли? Озвучил, что если медики нужны, то буду рад быть полезным – и военным, и всем нуждающимся в такой моей помощи. Там же получил повестку, и вот я здесь... Правда, в госпиталь «Док» попал не сразу.

– А я хотел оказаться там, где от меня больше всего пользы. Хотел спасать раненых ребят. Делать все возможное, чтобы сохранить им жизнь и здоровье. Но меня почему-то записали сначала разведком-санитаром. А по военному билету, и по «срочке», и по опыту я – старший санинструктор. И дело не в должности, а в том, чтобы от

тебя был толк. Я не снайпер, не мотострелок и никогда ими не был. Безусловно, надо будет, сделаю и это. Но, мне кажется, если бы мы все были на своих местах, все было бы проще. Врач не ходил бы в разведку, снайпер не варил бы кашу в роте материального обеспечения. И солдаты вовремя получали бы горячую еду и медицинскую помощь. Понятно, что здесь не отель и не курорт, а блиндажи и окопы. Но если солдат не накормлен и не здоров – это не солдат!

Но в итоге, ему все же удалось оказаться на том самом своем месте. Он часто ездит «за ленточку» эвакуировать раненых. Там это обычное дело. Пока едут, общаются – если те в сознании. Слышит разные истории.

Очень запомнился «Доку» офицер. Он был ранен в бедро, руку и еще получил осколочное ранение в шею. Оказалось, трое подчиненных этого офицера попали под минометный обстрел. Сам он находился в этот момент в безопасности, но бросился их спасать.

– И вот он и несколько его солдат два с половиной километра тащили на себе трех «трехсотых» – молодых ребят, только-только отслуживших «срочку», – рассказывает наш герой. – Дотащили, погрузили на «мотолыгу» и отправили в пункт эвакуации. А пока все это делали, ранило и самого офицера.

Вообще «Док» говорит, что таких настоящих мужиков там много:

– И я горжусь тем, что имею возможность помогать им. Ребята, проведя долгое время в окопе, в сырой одежде, без еды, с одной бутылкой воды на двоих, под обстрелом, не падают духом, не бросают раненых, спасают товарищей. Когда они сами получают ранения, больше переживают за тех, кто остался на позициях, чем за себя.

Он говорит обо всех этих людях и скромно молчит о себе. Но Михаилу удается «вытащить» из него воспоминания о войне в Чечне. Было это в 2001 году.

– Мы находились в инженерно-разведывательном дозоре и попали под обстрел. Был тяжело ранен мой сослуживец. Как медик, я под прикрытием пополз к нему и увидел, что у него упал бронжилет, и спина разорвана в районе грудной клетки. Возможности наложить повязку или жгут у меня не было, и я просто прижал рукой его артерию к позвоночнику. И держал так тридцать минут, пока мы ждали эвакуацию. Он остался жив, я потом узнавал.

■ Парень с позывным «Офис». Ему всего двадцать лет, и он «альтернативщик». Это когда вместо года срочной службы можно выбрать два – альтернативной гражданской. И, странный парадокс – альтернативой году «срочки» он выбрал два года на войне.

В конце июля прошлого года «Офис» закончил медицинский колледж, подписал контракт и отправился на войну.

– Народ отнесся к этому по-разному. Родные, конечно, переживали. Кто-то крутил у виска: «Ты что, дурак?!». Кто-то поддержал, кто-то восхищался: «Ух ты! Молодец! Я тоже так хочу!»... Некоторые из последних были даже младше меня. С одной стороны, это хорошо, но с другой – это все же какой-то юношеский максимализм, – говорит он. – Ребята иногда не понимают, что их здесь ждет. И когда они столкнутся с действительностью, им будет очень сложно.

Парень отходит от темы и начинает рассуждать вообще о начальной военной подготовке, даже в мирное время. А она очень хромает.

– Когда я учился, у нас было два старых автомата, отдельные части от которых мы при сборке забивали молотком, потому что сами они не вставали на место. Понятно – медицинский колледж... Учатся в основном девочки, им это не нужно. И никто не учитывал, что может случиться то, что случилось. А до этого кто-то откосил от армии или, правда, не попал по здоровью. И сейчас их, не дай Бог, мобилизуют таких. В тридцать или сорок лет у мужиков есть хоть какой-то жизненный опыт. Но вот эти мальчишки, видевшие только сломанный автомат...

«Офис» говорит, что юношеский максимализм был и у него. Но это быстро «поправили».

– С самого начала я слышал: «Не переживай, там тебя всему научат». Попадаю дальше: «Ой, не переживай, там научат». В какой-то момент я понял – могут и не научить. Но, слава Богу, мне очень повезло, я попал к прекрасным командирам. Но не факт, что другим так повезет. Меня «вводили в курс

дела» не резко. Два месяца – это был вообще только «быт», никаких военных действий, что порой даже вызывало досаду.

«Офис» вспоминает о своем первом боевом опыте.

– Это был минометный обстрел. Не то, чтобы очень страшно, но нервно. Мы были в доме втроем. Самый опытный – ближе к двери. Над нами летали украинские снаряды, потом прошла информация, что в тыл к нам, где были посадки за домом, просочилась БМП противника. И не понятно – то ли наши проворонили, то ли они все так грамотно обставили. В общем, такое неприятное состояние. Я просто сидел и слушал выходы и приходы. И вдруг товарищ говорит: «А давай заварим чаю!». И ты, такой: «Как можно в этот момент думать о чае?!..» Но, с другой стороны, все равно ничего сделать невозможно, хотя бы чаю выпить.

К нам периодически привозили раненых. Много всякого мы тогда наслушались: «У нас колонну разворотило! Там все горит!» Потом мы сами ездили по той дороге. Одна БМП, к сожалению, правда, сгорела, вторая была повреждена. А колонна состояла из нескольких десятков машин. То есть большая часть проехала. Но, видимо, на того человека очень подействовали паника и суэта, и он так эмоционально нам все рассказал.

Было время, когда в той местности шли особо ожесточенные бои.

– Но для меня тогда это был какой-то «день сурка». Раненые, раненые, раненые... Очень впечатлило и запомнилось, когда снайперы с той стороны прицельно стреляли по гениталиям наших солдат. Запомнились лица пострадавших ребят...

Помнит он и одного нашего снайпера. Ему было уже за пятьдесят. Получил легкое ранение, отказался от эвакуации:

– Там есть снайперша, которая так стреляет по нашим ребятам. И пока я ее не сниму, я никуда не уеду.

– Потом его привезли уже с тяжелым ранением, но он все равно уехал. И вернулся только когда ему удалось ее «снять», – рассказывает этот двадцатилетний парень.

Я слушаю это, и мне хочется все забыть и никогда больше ничего подобного не слышать... Но это наша сегодняшняя реальность. Такие страшные будни войны.

Слава Богу, Михаил переводит разговор на другое – на будущее. В котором «Офис» поступит в медицинский институт и станет врачом общей практики. Так он мечтает. И не будет в этом нашем общем будущем никаких снайперш и минометных обстрелов...

■ Виталий... Михаил встретил его в перевязочном пункте, расположенном в подвале здания недалеко от зоны боевых действий. Там стабилизируют раненых, а затем отправляют в госпитали. Это в Крещении он – Виталий. «В миру» его зовут по-другому. Он – литовец. Четыре года учился в Германии. И вот пошел добровольцем воевать на нашей стороне. Казалось бы, где сейчас Литва, Германия, а где Россия? Но бывает и так.

■ Молодая медсестра. Симпатичная. Тоже ушла добровольцем. В мирное время работала зубным техником и будущую свою профессию связывала со стоматологией. После начала СВО три раза просилась на фронт. Но ей отказывали. В итоге все же взяли. С мужем она в разводе. Но когда эта девушка ушла «за ленточку», почти сразу ушел и он. Теперь воюют где-то на одном направлении...

■ Девушка из Самары... Работала в салоне сотовой связи. Тоже пошла добровольцем. Сейчас – санинструктор.

– Героиня нашего времени, – говорит о ней Михаил.

■ Встретил там Михаил и мужчину лет пятидесяти с нашивкой на рукаве «Старперы». Оказался там, потому что искал сына. Тот пошел добровольцем и пропал. Слава Богу, нашел – в госпитале. Двадцать семь осколочных ранений. Но жив и относительно здоров. Никаких ампутаций нет. Правда, не работает левая рука – перебито сухожилие.

– Но я думаю, что после грамотной реабилитации все восстановится, – говорит Михаил.

■ Я смотрю на фотографию. Молодой парень с позывным «Вэл». Служил срочную, потом подписал контракт. Красавчик. Ему бы в клубе танцевать да с девчонками жонглировать. А он недавно получил медаль за спасение жизни.

Тогда, из-под жесточайшего обстрела «Вэл» вывел свой «Урал» с ранеными. «С передка» на полностью «прошитою» снарядами машине, со спущенным колесом и пробитым баком смог донести ребят живыми с поля боя до госпиталя.

— Когда я спрашивал «Вэла», чем он руководствовался, он же рисковал каждую секунду погибнуть, он на меня смотрел, как на идиота, — вспоминал Михаил. — А как иначе-то? — отвечал. Двадцать два года мальчишке. Так вот постоянно и таскает на своем «Урале» раненых.

■ Михаил называет мне чисто-французскую фамилию. Но просит изменить.

— Напиши, например, Дюран.

Хорошо. Простой российский парень по фамилии Дюран. Он из детского дома. С ним Михаил познакомился в госпитале. В его семье четверо детей — Дюранов. Старший брат, потом сестра и двое братьев-погодков. В детстве были изъяты из неблагополучной семьи и жили в госучреждении. А сейчас двое младших — этот, которого встретил Михаил, двадцати семи лет, и брат, который на год его старше — воюют в одном подразделении. Когда началась мобилизация, они сами звонили в военкомат, спрашивали — где повестки. И вот они оба здесь.

— Старший брат тоже хотел, но, оказалось, по закону он не может пойти, — рассказывает Михаил. — Говорят, что хотели защищать свою страну.

О детском доме, как это ни странно, у них самые светлые воспоминания. К ним очень хорошо относились, прививали самостоятельность. Когда вышли оттуда — все умели. Им дали квартиры, и они начали строить свою жизнь.

Самый младший женат. Со своей избранницей познакомился в детском доме. Ему тогда было одиннадцать лет, а ей — восемь. Позже поженились. Говорит, что жена его такая сильная, что даже никогда в жизни не плакала. Гордится им и молится за него. Хотя до того момента, пока он не ушел на фронт, была атеисткой.

Молится за него и их соседка по квартире. Она так им и сказала: «Мальчики, я буду за вас молиться». И парень рассказывает о многих случаях своего чудесного спасения. Кого-то ранят, а он — без единой царапины. Хотя был в том же месте.

■ Есть там и легендарная «Мамуля». Это ее позывной. Говорят, что ее многие наши ребята знают. На видео — простая русская женщина. Теплая, милая и уютная. Добрая и веселая. Здесь в России у нее своя козья ферма. А еще она — волонтер. Ищет деньги, тратит свои, собирает и провозит мобилизованных ребят. Помогает семьям погибших. Возит в ЛНР гуманитарку. С ней ездят еще двое. Первый — молодой неженатый парень. А второй — отец шестерых детей.

■ На другом видео — Михаил с батюшкой. Едут «за ленточку» причащать штурмовиков. Тихо поют молитвы. Еще одно «лицо войны». Рискуя жизнью, батюшка ездит на передовую поддерживать наших ребят.

А есть там и «мордочки войны». Хвосты и лапы. Такса по кличке «Полторашка». Брошенный пес. Прибился к госпиталю и теперь — полноправный член медицинской семьи. Умный и дружелюбный.

И кот по кличке «Трехсотый». Его привезли с позиций вместе с его раненым хозяином. Сейчас вместе обитает в госпитале.

Я смотрю фото и видео. Слушаю про всех этих людей. И зверей. И мне, как и раньше интересно, а что же сподвигает самого Михаила оставлять семью и большую часть своего времени проводить там, где боль и смерть. Он как будто бы знает, что я хочу спросить, и сам говорит:

— А я — любезависимый. Я езжу туда за любовью. Которой там — через край. И хочется хотя бы прикоснуться к этой любви.

— Это не вопрос романтизации войны, — продолжает он. — Понятно, что там много придурков, откровенных прохиндеев, предателей... Но там еще и много, действительно, святых людей. Да, они и сквернословят, и бухают порой. Но главное в них — бескорыстная и жертвенная любовь. Мы в нашей Церкви много говорим об этой любви, но часто не знаем и не понимаем, что это такое. Так — красивые слова. А там даже нецерковные люди понимают. Это чудо Божие, что такие люди у нас в обществе есть. Мы всегда думали, что мы и те, кто младше — потерянное поколение. А, оказывается, есть они —

эти «непотерянные люди».

Я слушаю его... Стараюсь «увидеть», что там происходит. Как и у большинства, у меня много вопросов и мало ответов. И, наверное, эти ответы будут только в Той жизни... Я знаю, что война — это всегда ужас, боль и смерть. Это слезы матерей, вдов и сирот. Это безногие, безрукие и потерянные люди. Но в любое, даже самое страшное время, есть место любви, добру, подвигу и святости. Есть место тем самым непотерянным. И чем опаснее место и время, тем ярче виднеются они на страшном фоне. И о них мне хочется говорить и писать.

■ Расскажу о Пелагеи. Я давно надеялась, что однажды она поделится со мной своими «военными» впечатлениями. Она сама — очень необычный человек. Красивая и хрупкая на вид женщина, она — офицер, владеет и стрелковым оружием, и боевыми искусствами. И даже, говорят, как-то боролась с медведем. Вообще, у Пелагеи четыре высших образования: ветеринарный врач, юрист, психолог и специалист по информационной безопасности. Десять лет служила в полиции на должности эксперта-криминалиста. Была в горячих точках. Сейчас работает начальником отдела безопасности в одной компании.

Как и Михаил, в ЛНР-овских военных кругах она — личность известная. Они вместе часто возят туда гуманитарную помощь.

И вот, наконец, она подарила мне истории начмедов одного из госпиталей.

— Я специально записала его рассказ на видео. Чтобы не исказить эту историю о славных героях-медиках, — говорит она.

Сам начмед на том видео уже вспоминает о военных «казусах» с улыбкой. Но на самом деле это все, конечно, волнительно. Мягко говоря.

— Наша бригада получила задание встать на рубеже обороны, — начал он. — Заезжали мы туда всем составом через село, которое, вроде, как под нами... Проехали его и встали, куда нужно. Тут звонок: «Пришли два танка и БМП, нужно их забрать». «Не проблема», — отвечаю. — Только у меня «Линза» уехала за ранеными, не на чем забирать...» «Ну возьми мой «Тигр»».

Сел начмед с водителем в «Тигр», поехали за техникой. Ташат обратно через то село.

— А местность там хорошо просматриваемая и простреливаемая. Едем. Раз — мина прилетела, два. Потом — третья. Водитель удивляется: «Товарищ майор, по нам стреляют». «Ну да...» Но доехали, передали танки с БМП. И оказалось потом, что село вообще-то не под нами, а под противником.

А потом позвонил начмеду заместитель командира бригады:

— Срочно нужно забрать раненых.

— Вызываю водителя с медиком, — рассказывает он, — прыгают они в «Линзу», мчатся под обстрелами через село, закидывают раненых, везут дальше в госпиталь. Я им сказал, чтобы обратно ехали только по команде. Доехали до госпиталя — отзвонились. «Обратно едешь в окружную», — говорю.

Доехали они благополучно, опять звонок: — Нужно забрать раненых из другого села. А оно рядом с первым.

— Опять вызываю: «Езжайте за ранеными!» Жду их, а самому страшно — там же обстрелы. Но все хорошо, привезли раненых. Опять звонок... Сначала мат, потом:

«Начмед... Когда раненых заберете?!» «Так забрали только что». «Так не тех... забрали!» Зову водителя с врачом: «Съездили? Раненых забрали?». «Ну да...» «Молодцы! Вы не тех забрали! Давайте еще раз». А они там реально под обстрелом, в поту, в суете таскали раненых в «Линзу». Снаряды летают, прямой наводкой по ним работают, а они спасают людей. Забрали раненых, приехали. И вдруг я им говорю: «А надо еще раз». Водитель смотрит на врача: «Адекватный человек ведь туда еще раз не поедет?». «Не поедет!» «Ну, поехали тогда!» И погнались обратно...

Забрали раненых, через 15 минут вернулись. Но у меня за эти 15 минут, кажется, волосы поседел. Все думаю, что командирская доля — это сидишь, такой важный, приказы отдаешь. Но никто не понимает, что пока те люди, которых ты отправил, не вернутся, ты не живешь, не спишь, ты переживаешь...

Меня как-то спрашивали: «Вот ракетная опасность по зданию. А чего ты не бежишь?» «А смысл? Я всех выгнал. Зачем мне бежать?» Умереть за правое дело и за идею — легко, просто и не так страшно. Это многие проблемы решает. А вот жить после того, как погиб кто-то из тех, за кого ты отвечаешь — это страшно.

Мне солдаты иногда говорят: «Товарищ майор, вот вы пьете, а нам не разрешаете». А потому что, если я умру, они, конечно, грустные походят, повспоминают меня, поплачут... Но если кто-то из них погибнет, то я повезу гроб к нему домой, буду смотреть в глаза родственникам и говорить им: «Извините, я не сохранил». Это очень страшно...

Вот такую историю о медиках, которые спасают людей, и о настоящем командире записала для меня Пелагея.

■ А Михаил в этой же поездке познакомился с «Товарищем старшиной».

Старшина этот — потомственный военный. И дед, и отец у него — военные. А сам он — из спецназа ВДВ, служил в Чечне.

Рассказал Михаилу, что у него было много случаев чудесного спасения. Например, он упал с 25-метровой высоты и выжил. И врачи даже «починили» его. Однако к службе в армии он стал не пригоден. Зато теперь «Товарищ старшина» — «зам по тылу» в госпитале. А его сын окончил военное училище и тоже пошел на фронт. И вместе с отцом они теперь воюют в одном подразделении. Только один на передовой, а другой — в госпитале. Не так давно сын получил ранение, контузию, потом — вторую контузию. Лежал в госпитале лечился и снова вернулся на фронт.

— По-другому он просто не мог, рассказывает Михаил. — Даже мыслей не было, чтобы его комиссовали. Да, есть проблемы со здоровьем. Зрение начало падать, слух... «Но сейчас поедет с «Мелким» в отпуск, обследуемся, пойдем — что к чему», — говорит «Товарищ старшина»... Так он сына своего называет: «Мелкий».

■ Еще с мальчиком познакомился, — рассказывает Михаил. — Это опять же о непотерянном поколении. Знает три языка — арабский, французский и английский. Воцерковленный парень, пел на клиросе, алтарничал... А сейчас является замполитом. Это, конечно, штучный товар. Такие люди на фронте очень нужны.

■ Парень с позывным «Продюсер». Слушит во взводе охраны госпиталя.

— «Продюсер» — крутой! — говорит Михаил. — На гражданке был известным музыкантом, ведущим мероприятий. Местной звездой в одном из российских городов. Пришла повестка, он даже не раздумывал. Купил в охотничьем магазине снаряжение и отправился воевать. Получил ранение, мог комиссоваться, но остался охранять госпиталь. Пишет песни, снимает репортажи. Недавно со «Шприцом» снял передачу. Это командир медицинской бригады. Классный парень, умница, интеллигент, просто красавчик.

Есть там и кот. Он выбрал себе хозяином одного бойца и ходит с ним в караул.

— Только с ним, — улыбается Михаил. — И все время на стреме. Если какой хруст, какая ветка — сразу вскакивает. Предупреждает своего хозяина. Вообще — про «военных» животных можно отдельную книгу написать. Про собак, кошек... Они замечательные.

Михаил молчит. Я тоже молчу и пытаюсь представить все это. Госпиталь, кот, этих людей... Непотерянные люди. А он уже отвечает на мои мысленные вопросы:

— Они, вроде бы, все простые, обыкновенные, но такие глубокие. Или они здесь, на войне, так раскрываются. В миру мы другие. И себя не знаем, и людей вокруг не видим. От нас как будто скрыты все наши таланты. Только Господь нас знает. Наши мысли, характеры. А на войне они раскрываются и открываются не только Богу, но и людям. И гнусные качества, и лучшие — на войне, как на ладони. Там мы настоящие... И не хочется оттуда возвращаться.

Знаешь, мы с нашими ребятами очень много размышляли — что мы будем делать после победы. Потому что мы уже не можем жить без этой жизни. И решили — будем восстанавливать разрушенные города. Дай Бог дожить до этого!

Проходят передо мной эти «лица войны» не только там, но и здесь — в миру. И удивляюсь я, насколько же странно бывает в жизни. Сейчас — особенно. И как будто бы перевернулось все с ног на голову.

■ Недавно мы в нашей воскресной школе собирали подарки и передачи солдатам. К Новому году, Рождеству. Ничего особенного — носки, теплые перчатки, средства личной гигиены, тушенку, сгущенку и разные сладости. Чтобы хоть как-то поддержать тех, кому сейчас очень трудно, хоть что-то сделать для ближнего. И когда почему-то именно меня делегировали предложить нашей школе собрать эти подарки, мне хотелось донести до наших родителей и детей, что это, в первую очередь, будет нашим проявлением христианской любви. Потому что те, кто мобилизован и находятся сейчас на передовой в окопах или лежат раненые в госпиталях — это чьи-то братья, мужья, отцы, сыновья. А иногда — дочери, матери и сестры. И им очень нужны наша поддержка и наша любовь. Им важно знать, что мы не живем здесь в нашей мирной Москве так, как будто ничего не происходит, и не радуемся, что мобилизация кого-то из нас миновала, а помним о них, хотим что-то для них сделать. И за редким исключением, все всё поняли и горячо поддержали. Но поразило меня другое.

Одна наша мама из воскресной школы рассказала об этом в салоне красоты, где она делала себе прическу, мол: «Так и так, солдатам на фронт собираем». И знаете, эти девочки из салона... Иногда кто-то из моих знакомых с чувством превосходства говорит о них: «Парикмахерши...» Так вот эти девочки тоже собрали несколько коробок для военных. И когда я их забирала, со слезами на глазах еще и благодарили меня, что дали им возможность хоть что-то сделать.

Казалось бы — где салон красоты, и где война? А вот как, оказывается, бывает. Когда я рассказывала об этом в соцсетях, его прокомментировала одна моя знакомая, она — стилист: «Хочу сказать за свой салон. У нас нет ни одного мастера, кто не поддерживал бы наших солдат. И руководство очень ревностно относится. У кого-то из них муж, брат, сын воюют. А недавно мы с коллегами организовали день красоты в госпитале. Очень востребованные и дорогие мастера, в том числе и владельцы салонов, делали стрижки бойцам, даже лежачим. Чисто на добровольных началах».

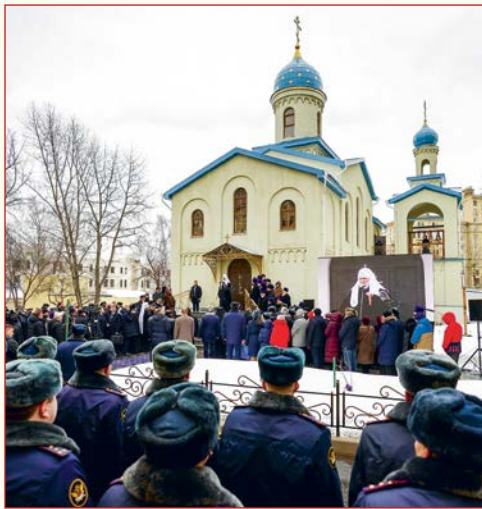
Да... Вот такие они — лица войны...

Совершенно новый мир, в котором нам довелось жить.

СОБЫТИЯ. ЛЮДИ. ФАКТЫ

ИЗ ЛЕТОПИСИ ДВИЖЕНИЯ «РОССИЯ ПРАВОСЛАВНАЯ»

МОСКВА

14 марта 2023 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Федеральное казенное учреждение «Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве» («Матросская тишина») и в сослу-

жении с архипастырями и духовенством совершил чин малого освящения храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

На освящении храма присутствовали: министр юстиции РФ К.А. Чуйченко; директор ФСИН России генерал-полковник внутренней службы А.А. Гостев; начальник УФСИН России по г. Москве генерал-майор внутренней службы С.А. Мороз; начальник ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Москве подполковник внутренней службы С.А. Бобрывшев, депутат Государственной Думы ФС РФ В.И. Ресин; председатель Наблюдательного Совета Движения «Россия Православная» М.М. Иванов; старшие священники и духовенство следственных изоляторов г. Москвы, жертвователи, строители и благоу-

красители храма. На площади перед храмом присутствовали начальники и сотрудники СИЗО и колонии-поселения, а также других учреждений УФСИН России по г. Москве, осужденные отряда по хозяйственному обслуживанию СИЗО-1 и другие.

Обращаясь к присутствующим, Его Святейшество отметил, что «Церковь в местах

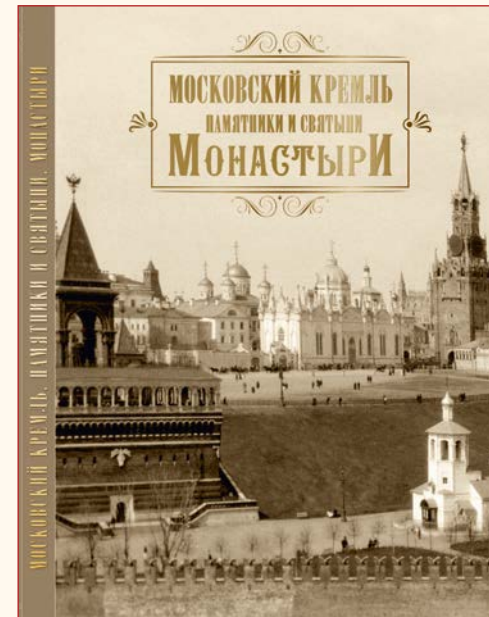
заклЮчения призвана помочь людям уберечь себя от пороков, разрушающих и душу, и тело, сохранить надежду на возвращение к нормальной жизни. И для того чтобы исправление происходило, очень важно, чтобы в местах заключения были храмы, чтобы осуществлялась пастырская работа».

Святейший Патриарх поблагодарил Бога за то, что в последние годы «радикально изменилось взаимодействие Церкви с системой исполнения наказаний, и что сейчас в большинстве колоний есть и храмы, и священники. Глубоко убежден: все это будет на пользу и тем, кто в заключении, и тем, кто работает в местах лишения свободы, а в каком-то смысле – и всей нашей стране».

В дар новоосвященному храму Предстоятель Церкви передал икону Архангела Михаила, а подследственным и осужденным были розданы иконки Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

После богослужения состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с руководителями Движения «Россия Православная», которые поздравили Его Святейшество с 47 годовщиной архиерейской хиротонии, представили подготовленный при участии Дви-

жения макет книги «Московский Кремль, Памятники и святыни. Монастыри» и получили Первосвятительское благословение на его издание.

ДОНЕЦК

12 марта 2023 года по просьбе «России Православной» при содействии члена Центрального Совета полковника запаса Тимура Сыртланова организаторы волонтерской группы г. Курска Ольга Перькова и Елена Болдина вручили медаль Движения «За жертвенное служение» и подарки жителю Донецкой Народной Республике 12-летнему герою Роме Коструб.

Так сложилась судьба, что дом Ромы расположен недалеко от линии боевого соприкосновения, и вся военная техника проходит рядом с ним. Мало того, что Рома каждый день утром встречал и провожал колонны наших бойцов, отправлявшихся на фронт, так он еще и помогал бойцам чинить танки.

Этому доброму мальчишке наши военные дали позывной «Талисманчик» не просто так. Он стал для них настоящим талисма-

ном! Талисманом возвращения с фронта живыми! Всех, кого обнимал Рома по пути на передовую, обязательно возвращались с фронта живыми.

Рассказывают девушки-волонтеры:

«Как нас не отговаривали военные не ехать в этот район Донецка, так как он

постоянно находится под обстрелом, но мы все равно поехали – медаль должна была найти до своего героя!»

Возле дома нас встретила мама мальчика Наташа и, пока она рассказывала нам, как все произошло, в воротах на костылях появился Рома с ослепительной улыбкой – такой светлый и милый ребенок!

Прямо возле дома, провожая на работу папу, он получил от прилетевшего снаряда множественные осколочные ранения в спину и сильное повреждение голеностопного сустава на правой ноге. Оказавшись на земле от ударной волны, ребенок закричал «Мама, я тебя люблю... мама, я тебя люблю!»

Мама, выбежав, накрыла собой сына, так как обстрел все еще продолжался. На помощь пришли наши военные и тут же доставили мальчика в больницу Донецка, в которой ребенок долгие четыре месяца на-

ходился на лечении. За это время он перенес несколько операций.

Рома показал нам многочисленные шрамы на спине, оттуда извлекли четыре осколка, один из которых был достаточно большим, на животе – осколки повредили кишечник, часть селезенки была удалена, и на ножке – пришивали ткань и сухожилие над пяткой. Во всей этой ситуации самое страшное то, что страдают дети, перенося страх, терпя боль и получая увечья от происходящего».

Движение сердечно благодарит мужественных девушек-волонтеров, за их человеческий подвиг – рискуя своей жизнью, они не раз выезжали в зону боевых действий, доставляя собранную ими гуманитарную помощь для мирного населения и снаряжение для наших бойцов, участвующих в проведении специальной военной операции на Украине.

КУРСК

Председатель Центрального Совета «России Православной», член Совета по культуре при Росгвардии В.В. Остапчук посетил Курск и встретился с членами областного отделения Движения. На общем собрании регионального отделения «России Православной» были выбраны новые руководящие органы организации – председатель и члены совета.

Руководителем регионального отделения Движения единогласно избран Рудольф Даршт – трудник Рыльского Свято-Николаевского мужского монастыря. С первых дней начала специальной военной операции курянин добровольцем убыл в зону боевых действий. Был дважды ранен. В настоящее время находится на реабилитации, активно занимается общественной работой.

Членами совета стали известные в регионе люди – Ольга Перькова и Елена Болдинова, руководители волонтерской

группы «Помогаем нашим», а также Андрей Горбачев и Сергей Павлов – представители курского отделения организации «Офицеры России». На встрече была отмечена важная роль жителей региона в поддержке участников специальной военной операции.

«Патриотическая, волонтерская деятельность, оказание конкретной адресной помощи – вот основные задачи, которые предстоит решить новому совету, всему коллективу областного Движения», – подчеркнул В.В. Остапчук.

Рудольф Даршт поблагодарил участников мероприятия за оказанное доверие и отметил, что на новом посту будет прилагать максимум усилий для развития регионального отделения Движения.

О духовном и нравственном развитии, усилении роли православия говорил на встрече с участниками Движения «Россия Православная» владыка Герман – митрополит Курский и Рыльский.

Председатель совета директоров ООО «Курский аккумуляторный завод» Андрей Каменок как представитель социально ориентированного бизнеса рассказал владыке Герману о производстве продукции в условиях импортозамещения и санкционной политики стран Запада, а также о поддержке военнослужащих, выполняющих боевые задачи в зоне специальной военной операции.

Член центрального Совета Движения, советник генерального директора Курского аккумуляторного завода Тимур Сыртланов рассказал о проводимой предприятием работе по социальной защите участников специальной военной операции и членов их семей.

Ближайшей совместной акцией ООО «Курский аккумуляторный завод» и Движения «Россия Православная» станет проведение в мае текущего года в г. Курске благотворитель-

ного концерта хора Московского Сретенского монастыря.

В.В. Остапчук представил владыке Герману Рудольфу Даршту в качестве руководителя регионального отделения Движения «России Православной». Глава митрополии справился о здоровье добровольца, а также благословил членов курского отделения на добрые дела.

В дни пребывания председателя Центрального Совета Движения В.В. Остапчука в Курске состоялась его рабочая встреча с главным федеральным инспектором по Курской области Д.В. Барченковым. Была выражена готовность к конструктивному диалогу с Движением в рамках патриотического и духовного развития жителей региона.

Соб.кор.